

УДК 811.512.145; 81'37; 81'367.625

СЕМАНТИКА И СОЧЕТАЕМОСТЬ ТАТАРСКИХ ГЛАГОЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

© Альфия Галиева, Радиф Замалетдинов

TATAR NATURAL PHENOMENA VERBS: SEMANTICS AND COLLOCABILITY

Alfiya Galieva, Radif Zamaletdinov

Being a prototypical designation means for expressing actions, processes, and relations, the verb sketches elementary logical-semantic models and outlines situations with a definite set of participants. Recent semantic classifications of predicate words go beyond ontological (thematic) criteria, they are built on the framework of morphosyntactic, derivational, pragmatic, collocational and other characteristics.

This paper analyses Tatar synthetic (one word) verbs, denoting natural phenomena. Our study focuses on the verbs derived from nouns, denoting weather states.

This study is based on the assumption that verb semantics is a key to its grammatical behavior, basic collocations and the formation of lateral senses. The description of semantically motivated properties of verbal classes is of great importance for formulating basic linguistic rules, while their semantic component is an essential part of a complete grammar description.

The verbs of this semantic class may be used with subjects, denominating effecter, as well as impersonally. We selected typical arguments and analyzed mechanisms for the secondary nomination of verbs being analyzed, the empirical data show that weather verbs with a figurative meaning are most often used for describing human psychological states and behavior.

The paper also focuses on weather verbs functions in co-compounds. In Turkic languages co-compound verbs form an interesting layer of linguistic items at the junction of lexical semantics, morphology and syntax. These items can help overcome the discreteness of linguistic units when coding the continuum of the external world. Their use in co-compounds is mostly characteristic of converb forms.

Keywords: Tatar language, verb, natural phenomena, semantics, co-compounds.

Глагол, являясь прототипическим знаком для обозначения действий, процессов, отношений, выражает минимальные логико-семантические модели и кодирует ситуацию с определенным набором участников. Современные семантические классификации предикатных слов не ограничиваются онтологическими (тематическими) критериями и строятся на базе совокупности признаков: морфосинтаксических, словообразовательных, прагматических, сочетаемостных и других.

В статье рассматриваются татарские синтетические глаголы, в своем первом, прямом значении обозначающие природные явления; основное внимание уделено отсубстантивным глаголам, связанным с состоянием погоды. Исследование построено на предположении, что семантика глагола является ключом к его грамматическому поведению, базовой сочетаемости и процессам вторичной номинации. Описание семантически мотивированных свойств глагольных классов имеет большое значение для формулирования базовых лингвистических правил, а семантический компонент языка является необходимой частью полного описания грамматики.

Глаголы, обозначающие погодные явления, могут использоваться как с субъектом-подлежащим, называющим эффектора, так и безлично. В статье выделены типичные субъекты и проанализированы механизмы вторичной номинации анализируемых глаголов; показано, что эти глаголы в переносных значениях наиболее часто используются при характеристике психологического состояния и поведения людей.

В статье отдельно рассмотрены случаи функционирования анализируемых глаголов в составе парных слов. Парные глаголы в тюркских языках образуют интересный пласт лингвистических единиц на стыке морфологии, синтаксиса и лексической семантики; их образование можно рассматривать в качестве одного из способов борьбы с дискретностью языковых единиц при кодировании континуума внешнего мира. Употребление в составе парных глаголов наиболее характерно для форм конверба.

Ключевые слова: татарский язык, глагол, природные явления, семантика, парные слова.

1. Введение

Татарские глаголы, обозначающие природные явления, образуют компактную группу, характеризующуюся не только общим онтологическим (тематическим) классом, но и общностью способа образования, мены диатезы и особенностями аспектуальных характеристик. Ядро этой группы образуют глаголы, обозначающие явления, связанные с состоянием погоды: выпадение атмосферных осадков, изменение температуры, облачность, сила ветра и т. п.

Для значительной части глаголов, обозначающих состояние погоды, отсутствуют русские эквиваленты, поэтому возможен только описательный их перевод. Ряду таких татарских глаголов соответствуют русские безличные глаголы: *буранлау* – *вьюжить*, *суыту* – *холодать*, *яктыру* – *светать*.

Глаголы, обозначающие природные явления, характеризуются достаточно высокой частотностью употребления и используются в текстах разных функциональных стилей: в разговорной и художественной речи, в языке СМИ.

Относительно редко используется глагол *яңгырлау* ('накрапывать, идти' – о дожде), для которого в корпусных коллекциях нами были найдены лишь единичные случаи употребления.

Глаголы, обозначающие погодные явления, относятся к производным и непроизводным, например, непроизводными в аспекте синхронии являются глаголы *яву* ('падать' – об осадках), *ису* ('дуть' – о ветре), *күкрәү* ('грохотать' – о громах).

Часть таких глаголов образована от существительных, обозначающих соответствующие природные явления: *давыл* ('буря') – *давыллау* ('бушевать' – о буре); *яшен* ('молния') – *яшенләү* ('сверкать' – о молнии); *өермә* ('вихрь, смерч') – *өермәләү* ('бушевать' – о смерчи). Именно отыменные глаголы являются предметом рассмотрения данной статьи.

Источник языкового материала – имеющиеся корпуса татарского языка:

1) Письменный корпус татарского языка, разработанный в Казанском федеральном университете (далее – ПК);

2) Татарский национальный корпус «Туган тел», разработанный в НИИ «Прикладная семиотика» АН РТ (далее – ТТ).

Перевод примеров на русский язык выполнен авторами статьи. Имеющиеся отклонения от литературной нормы при переводе обусловлены стремлением сохранить (насколько это возможно) семантико-структурные особенности татарских предложений.

2. Значение глагола – ключ к его поведению

Глагол – одна из самых сложных, семантически ёмких и грамматически содержательных частей речи с чрезвычайно разветвлённой системой значений и грамматических форм. Семантическая структура глагола – это комплекс компонентов значения, которые могут получать свое формальное выражение на разных уровнях языковой структуры [Галиева, с. 81].

Значение слов с процессуальным значением кардинально отличается от манифестации содержательной составляющей слов со значением предметности.

Семантика существительных основывается на общекатегориальном значении предметности (установка на эссенциальность, если говорить на языке философии) и, как отмечает А. А. Уфимцева, «носит абсолютный, самодостаточный характер» [Уфимцева, с. 136], в то время как семантика глагольных и адъективных лексем является реляционной. Следствием этого является то, что семантика глагольной лексемы – «не элементарна, а комплексна в том смысле, что она отображает не законченное, полное понятие о классе предметов, как это имеет место в предметных именах, а минимальные дискретные „кусочки действительности“, приближающиеся к элементарным ситуациям и событиям» [Там же, с. 137–138].

Глагол задает минимальные логико-семантические модели: субъект и его действие; действие и его объект; действие и инструмент, при помощи которого выполняется действие; действие и его каузирование и т. п. Он описывает ситуацию с определенным набором участников, при этом каждый участник исполняет свою семантическую роль. Набор участников определяет актантную структуру глагола, кроме того, глагол имеет аргументную структуру – набор синтаксических актантов (подчиненных глаголу именных групп) [Падучева, 2012, с. 462].

Семантика глагола является ключом к его свойствам. Различия в семантике глагола обуславливают особенности его грамматического поведения и типичные коллокации.

Так, глаголы *буранлау* ('вьюжить') и *давыллау* ('бушевать' – о буре), обозначая состояние погоды, являются непереходными, имеют близкую семантику (как на уровне прямых, так и переносных значений) и относятся к одному и тому же словообразовательному типу: *буран* ('метель, вьюга, буря') – *буранлау* ('вьюжить, мести' – о метели); *давыл* ('буря') – *давыллау* ('бушевать' – о буре). Оба глагола часто используются в форме конверба на -п: *буранлап, давыллап*. Тем не ме-

нее типичные конструкции, в которые входят эти конвербы, не являются одинаковыми. Для *буранлап* – это, как правило, конструкции с глаголом *тору* ('пребывать') в качестве вспомогательного глагола в форме одного из времен или неличной форме:

Көн буранлап тора, шуңа борчыладыр дин уйлап алдым (Р. Миңнуллин) [ТТ]. – *День выюжит, поэтому, наверное, тревожится, подумал я;*

Көннең буранлап торуына карамастан, һәркемнең күңелендә шатлык (Г. Гилемханова) [Там же]. – *Несмотря на то, что день выюжный, у всех на душе радостно.*

Смысловый глагол-конверб *буранлап* в примерах такого типа образует конструкции дуративного характера, фиксируя срединную стадию метели. Метель, представляющая собой перенос падающего или ранее выпавшего снега, – явление, характерное для территорий, населенных татарами, и грамматическая форма указывает на процесс протекания действия, момент речи включен в ситуацию, а ситуация представляется актуально длящейся.

Конверб *буранлап* может использоваться с повтором для усиления его значения (значение непрерывности процесса и / или интенсивности действия):

Бер төнне, буранлап-буранлап, бик күп кар ява (З. Абраррова) [ПК]. – *В эту ночь сильно выюжило и выпало много снега.*

Типичные конструкции с глаголом *давыллау* ('бушевать' – о буре) в прямом значении имеют другую морфосинтаксическую природу: конверб *давыллап* используется для обозначения сопутствующего действия при других полнозначных глаголах. В большинстве корпусных контекстов это глаголы, обозначающие выпадение осадков, а субъектом для конверба, как и для основного глагола, выступают слова, обозначающие атмосферные осадки:

Ә тышта давыллап яңгыр ява иде бугай (Т. Набиуллин) [ТТ]. – *А на улице, кажется, шел дождь и была буря;*

Иртәнге якта давыллап яңгыр яуды (С. Шарипов) [Там же]. – *Под утро пошел дождь и началась буря;*

Мәңге онытасы юк: Каф арты жәннәре барысы бергә купкандай буран котырган, давыллап кар яуган көн иде ул (А. Ахметгалиева) [ПК]. – *Никогда не забуду: в этот день неистовствовала метель, шел снег и была буря, словно поднялись все джинны, обитающие за горой Каф.*

В системе знаний татар о внешнем мире *давыл* ('буря') – не самостоятельное явление (как, например, песчаная буря в пустыне), а шквальное усиление ветра, которое обычно сопровож-

дает другие явления, например, выпадение осадков (обычно дождя), что манифестируется типичными конструкциями, в которых используется глагол *давыллау*.

Кроме того, буря мыслится как относительно кратковременное явление, что демонстрируется еще одной типичной для лексемы *давыллау* конструкцией, по значению близкой к делимитативу, указывая на протекание действия достаточно длительного, но ограниченного во времени (Плунгян, с. 295):

Көнгә бер давыллап ала да аннан тынычлана (Ф. Замалетдинова) [ТТ]. – *Один раз в день погода некоторое время неистовствует и успокаивается;*

Диңгезнең дә була төрле чагы, бер давыллап ала, бер тына... (Ш. Галиев) [Там же]. – *И море бывает разное, то поштормит, то успокоится.*

Таким образом, грамматическое поведение конкретного глагола определяется особенностями его семантической структуры и может отличаться даже у глаголов очень близкой семантики. Значение глагола фиксирует фрагменты системы знания о внешнем мире, что определяет возможности залоговых трансформаций, базовую сочетаемость и особенности формирования производных значений. Следовательно, исследование семантически мотивированных свойств глагольных классов должно приниматься в расчет как при семантической классификации, так и при полном описании грамматики языка.

3. Залоговые преобразования и мена диатезы

Диатезой, согласно классическому определению [Мельчук, Холодович], называется соответствие семантических и синтаксических актантов лексемы. Важным свойством диатезы является возможность ее изменения, при мене диатезы происходит, как отмечает Е. В. Падучева, «сдвиг фокуса внимания» [Падучева, 2010, с. 237]. Залог, например, трансформация актива в пассив, является частным случаем мены диатезы, когда она маркируется морфологически.

Разграничение залоговых форм татарских глаголов сопряжено с рядом трудностей, в частности:

1) вопрос о природе тюркских залоговых форм (дериватов) имеет различные трактовки;

2) во многих случаях наблюдаются трудности при разграничении собственно морфологических и словообразовательных аспектов залоговых дериватов (форма слова или уже новое слово?), что приводит к непоследовательности фиксации базовых и производных форм залогов в словарях;

3) для значительного числа глаголов маркеры пассива и рефлексива совпадают, а семантиче-

ские границы между ними не во всех случаях очевидны;

4) во многих случаях сложно разграничивать базовые формы глаголов с аффиксом -лан и производные рефлексивы и пассивы на -ла-н и др. (Жамалетдинов, 2004, с.70–71).

В данной работе отнесение словоформы к форме того или иного залога будет осуществляться по семантическим критериям, а вопрос о природе тюркских залогов не затрагивается.

Для глаголов, обозначающих природные явления, в целом характерно отсутствие форм косвенных залогов и, соответственно, отсутствие мены диатезы. Оно объясняется как семантикой глагола, так и знаниями о внешнем мире.

Невозможность преобразования активных форм в пассивные объясняется тем, что глаголы рассматриваемого класса являются непереходными и не имеют прямого объекта со значением пациенса. При мене диатезы в различных употреблениях глагола слова, представляющие семантические роли актантов, выполняют различные синтаксические функции. Отсутствие пациенса ведет к невозможности образования пассивных форм.

Тем не менее следует отметить, что многие татарские непереходные глаголы могут иметь форму пассива (см. [Татарская грамматика, т. 2, с. 164]), например, глаголы движения:

Бала өйгә кайта ('Ребенок возвращается домой'). – *Авылга айга бер кайтыла* (букв.: В деревню возвращается раз в месяц).

Предложения, содержащие непереходные глаголы движения в форме пассива, не имеют подлежащего, но включают в свой состав различные обстоятельства, чаще всего указывающие на фактор времени: *иртә* ('рано'), *соң* ('поздно'), *еш* ('часто'), *сирәк* ('редко'), *атнага бер тапкыр* ('один раз в неделю') и т. п. В предложениях с пассивом субъект перемещения остается за кадром:

Көнгә 2-3 өйгә ашка барыла (Р. Меньшекова) [ПК]. – Букв.: В день посещается 2-3 дома с застольем;

Автомат кебек: эшкә барыла, эштән кайтыла, нидер эшләнелә, ә жанга рәхәтлек табылмый (Д. Гимранова) [ТТ]. – Букв.: Как автомат: идет на работу, возвращается с работы, что-то делается, а душе покоя не находится.

То есть пассивные формы непереходных глаголов могут быть использованы лишь в определенных типах синтаксических конструкций; поэтому не являются грамматически приемлемыми преобразования, называемые семантический субъект перемещения, типа:

Бала өйгә кайта ('Ребенок возвращается домой'). – **Бала тарафыннан өйгә кайтыла*¹ (*'Ребенку идется домой');

Бала агачка менә ('Ребенок лезет на дерево'). – **Бала тарафыннан агачка менелә* (*'Ребенку лезется на дерево').

Несмотря на то, что глаголы, обозначающие природные процессы, часто используются бес-субъектно, в корпусных коллекциях форм пассива, типа русского *заметлено*, у них нами не обнаружено.

При рефлексивной диатезе субъект и объект ситуации тождественны друг другу и выражены одним и тем же актантом (как правило, подлежащим); рефлексивная диатеза обычно производна и выражается соответствующим залоговым показателем: *Сара юынды, киенде, ясанды*. – *Сара умылась, оделась, накрасилась*.

Наличие форм на -ла-н зависит от конкретного глагола, обозначающего состояние погоды. Так, довольно частотной является залоговый дериват *давыллану*:

Су галәменәң дәһиәт чәчеп давыллануы да, күкрәгенә кояш нурларын түшәп тын калуы да (М. Галиев) [ТТ]. – *И грозное обуревание водной стихии, и замирание с солнечными лучами на груди;*

Күп тә үтмәде, яңгыр давылланып яварга тотынды (Р. Гариф) [Там же]. – *Некоторое время спустя начался дождь с бурей;*

Давылланып көчле җилләр исәр (М. Джалиль) [Там же]. – *Задуют сильные ветры с бурей.*

Слово *давыллану* в приведенных выше примерах имеет значение, близкое к «обуреваем», «превращаясь в бурю».

Нами выявлены единичные случаи использования глагола *болытлану*:

Икенче көнне иртән кәефләр болытланды (Р. Валиев) [Там же]. – *На следующее утро настроение заволокло тучами.*

Дериваты **буранлану*, **яңгырлану*, **яшенләну* в корпусных коллекциях нами не обнаружены.

Каузативные глаголы, обозначающие явления природы, в татарском языке, как правило, используются при обозначении процесса изменения температуры:

Көнне җылыта / суыта / җөпшөтә. – *Погода теплеет / холодает / наступает оттепель.*

Основная часть татарских глаголов, образованных от существительных при помощи аффикса -ла, являются переходными. Тем не менее имеется небольшое число непереходных глаго-

¹ Знак * используется нами для обозначения логически возможных, но в действительности аграмматичных форм.

лов, образованных при помощи аффикса -ла-, среди них и глаголы, обозначающие природные процессы, связанные с погодой.

В корпусных коллекциях нами выявлены лишь единичные случаи форм каузатива у отыменных глаголов, обозначающих природные явления:

Иртә белән буранлаткан иде (Ш. Камал) [ПК]. – *С утра замело.*

Единица *буранлату* зафиксирована в Толковом словаре татарского языка как самостоятельное слово с пометой «разговорное» [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, с. 97].

Действия природных стихий в языковом сознании мыслятся как безличные, самостихийные, чем объясняется отсутствие форм каузатива. Так, в Татарской грамматике отмечается, что безличные глаголы, называющие явления природы, не образуют форм понудительного залога, так как мыслятся как процессы, не подчиняющиеся воле и желанию кого бы то ни было [Татарская грамматика, т. 2, с. 182]. Сами по себе глаголы, обозначающие природные явления и процессы, имеют не грамматические, а прагматические ограничения на образования форм понудительного залога – каузативные формы у них мало востребованы, так как такие формы кажутся странными с точки зрения знаний о внешнем мире. В тех случаях, где подразумевается каузатор и требуется его эксплицитное обозначение, такие формы используются:

Тарат болытларны, яудыр да яңгыр! (Ф. Ибрагимов) [ПК]. – *Разведи облака, полей дождем;*

Менә көз дә җитте: әле болытлы күк йөзеннән яңгыр яудыра баһый, әле җәйдәгечә җылы кояшы белән сөендереп ала (Н. Солкин) [Там же]. – *Вот и осень наступила: то льет с пасмурного неба дождем, то порадует почти летним теплым солнцем;*

Тәңре аны һәрчак савыктырып, күзәтеп, кулыннан килгән кадәр нурлар коя, шиҗәләр яңгырлар яудыра, бөтен тереклек иясенә җим бирә (М. Хабибуллин) [Там же]. – *Тенгри все время исцеляет и присматривает, сыплет лучами, льет целебными дождями, дает жизнь всему живому.*

Нами выявлены отдельные случаи метафорического употребления глаголов, называющих природные явления, с аффиксом понудительного залога:

Яшьрәк чакта яшенләтеп калыйм дип азып йөргәч, *гаилгә вакыт каламыни?* (Э. Ягудин) [ТТ]. – *Если в молодости думаешь, пометаю молнии, разве остается время на семью?*

Шунысы күңелне азрак болытлата: *гомернең язы, табигатьтәге кебек әйләнеп*

кайтмас инде («Туган як») [ПК]. – *Одно немного омрачает душу – весна жизни не вернется обратно, как весна в природе.*

Следовательно, метафорическое употребление глаголов допускает идею каузатора.

При реципрокной форме диатезы множество субъектов одновременно развертывающихся ситуаций совпадает с множеством объектов этих же ситуаций, и это субъектно-объектное множество участников выражается одним актантом. Формы взаимно-совместного залога для исследуемых глаголов нами не выявлены. У эффиктора, который вызывает природный процесс, не может быть соучастника или помощника, поэтому также нет форм взаимно-совместного залога со значением ассоциатива или ассистива.

Таким образом, описанные выше ограничения на образования залоговых форм обусловлено значением глагола и системой знаний о внешнем мире. В отдельных случаях, особенно при явлениях вторичной номинации, образование форм косвенных залогов возможно, так как механизмы метафоризации позволяют стирать естественные границы между классами объектов и выражать аналогию нетривиальным способом.

4. Эффикторы при природных процессах

Глаголы исследуемой группы могут использоваться как с субъектом-подлежащим, так и безлично. Почти все они могут сочетаться с существительным *көн* ('день'), который в татарском языке обозначает состояние погоды и в предложениях с глаголами, обозначающими погодные явления, принимает на себя семантическую роль эффиктора – стихийной силы, производящей воздействие и изменение:

Мартның соңгы көне һаман *ыҗгырып буранлап* тәмам *теңкәгә тиде* (Г. Мирхади) [ПК]. – *Последний день марта замучил сильной метелью;*

Иртәгесен көн болытлады, *игеннәр өчен бик шиҗәләр, талгын яңгыр ява баһлаы* (М. Маликова) [ТТ]. – *На следующий день небо заволкло тучами, начался освежающий дождь, целебный для злаков;*

Керегез, көн энә ничек усал давиллы (Ф. Зваметдинова) [Там же]. – *Заходите, вон какая злая буря.*

С существительным *көн* не сочетается глагол *яшенләү* ('сверкать' – о молнии).

Эффиктором при глаголе *буранлау* могут быть слова, обозначающие времена года, а также их персонифицированные образы:

Яз *быел көттереп кенә, буранлы-буранлы килде* (газета «Татарстан яшьләре») [ПК]. – *Вес-*

на в этом году заставила себя ждать, пришла с метелями.

Кыш Бабай, буранлый-буранлый, кар аудырды (газета «Сарман») [ПК]. – Дед Мороз (букв.: Дед Зима) наслал снег с метелью.

Слово *болытлау* ('покрыться облаками') может иметь при себе в качестве субъекта слово, обозначающее небо:

Күк йөзе болытлап тора, урман ягыннан дымлы жылы жыл исә иде (М. Магдеев) [Там же]. – Небо заволкло тучами, со стороны леса дует влажный теплый ветер;

Болытлап торган Актаныш күгенә Казаннан кояш алып килдек (газета «Татарстан яшьләре») [Там же]. – На небо Актаныша, покрытое облаками, привезли из Казани солнце.

В отличие от русского языка, где небо является пациенсом и испытывает воздействие со стороны облаков (ср.: *небо покрыто облаками, небо заволкло тучами*), в татарском языковом сознании небо мыслится активным началом, которое само движет инкорпорированные объекты – облака или тучи (еще раз напоминаем, что в татарском языке аффикс -ла в абсолютном большинстве случаев образует переходные каузативные глаголы).

При конвербном употреблении эффектором могут выступать существительные, обозначающие атмосферные осадки:

Давыллап үтте яңгыр (газета «Ватаным Татарстан») [Там же]. – Дождь прошел с бурей;

Көтмәгәндә яшенләп яңгыр коя башлады (Ф. Чанышева) [ТТ]. – Неожиданно началась гроза;

Яңа гына яшенләп көчле **яңгыр** явып киткән иде (Л. Ибрагим-Валиди)[ТТ]. – Недавно была сильная гроза;

Шуннан соң буранлап кар яварга тотынды (А. Закиев) [ТТ]. – Затем началась метель.

Отсутствие в татарском языке специальной лексемы, обозначающей грозу, приводит к тому, что глагол *яшенләү* ('сверкать' – о молнии) часто используется в контекстах, обозначающих ситуацию грозы, при этом составляющие грозы – дождь, гром и молния – передаются отдельными лексемами:

Чыннан да, ялт-йолт яшенләп, көчле **күк күкрәүләр** белән килгән **яңгыр** ничек башлана? С. Шамси) [ТТ]. – Действительно, как начинается гроза с блеском молний и грохотаньем грома?

Май аенда ишеп кар ява, октябрьдә жыләк чәчәк ата, декабрьдә **күк күкрәп,** **яшенләп яңгыр** коя (Р. Габдельхакова) [Там же]. – В мае валит снег, в октябре цветет земляника, в де-

кабре грохочет гром, блистают молнии, льет дождь.

Безличное употребление глаголов не имеет морфологических примет, просто логический субъект-эффектор оказывается «за кадром». Практически для всех глаголов рассматриваемого типа безличное употребление является наиболее частотным:

Иртән торуга буранлый башлады... (Р. Батулла) [ТТ]. – С утра началась метель;

Күк йөзәндә бер генә йолдыз да күренми — тагын **болытлаган** (З. Махмуди) [Там же]. – На небе не видно ни одной звезды, снова небо заволкло тучами;

Болытлы ямьсез көн, **күкри** — **күкри яшенли** (газета «Шәһри Казан») [ПК]. – Хмурый пасмурный день, грохочет гром и сверкают молнии.

В русских переводах субъектами действия и состояния выступают существительные, обозначающие погодные явления (*метель, молния, буря* и т. п.), а глаголы являются неспециализированными и называют действия, которые могут выполняться другими субъектами в других обстоятельствах (так, *сверкать* может не только молния, но и любые другие объекты с определенными оптическими свойствами, *мести* может не только метель или вьюга, но и человек и т. п.). Анализируемые татарские глаголы включают в свой состав (структурно и семантически) инкорпорированные актанты, обозначающие соответствующие природные явления, поэтому их эксплицитное выражение типа *яшен яшенли, буран бураный, давил давилый* оказывается семантически избыточным, поэтому именно безличная форма представления природного явления оказывается наиболее предпочтительной, и авторы художественных и публицистических текстов склонны избегать прямой тавтологии.

Оборот *яшен яшенли* можно считать нормативным, тем не менее примеры, подобные фрагментам, представленным ниже, в корпусных коллекциях, включающих письменные тексты, встречаются относительно редко:

Үскән үләннәрне күреп, **күк күкрәгәнне тыңлап,** **яшенләгән яшеннәргә** «ләхәүлә» не укып <...> кечкенә сабый оныклар белән яшәп ятабыз бүгенгә (З. Зайнуллин) [ТТ]. – Живем потихоньку с внуками, созерцая растущие травы, слушая грохотанье грома, сопровождаемая молитами сверкающие молнии;

Тәңре жәннәргә камчы белән сукканда яшен яшенләгән, **күк күкрәгән** (Г. Даулатшин) [ПК]. – Когда Тенгри бил джиннов кнутом, сверкали молнии, грохотал гром.

5. Употребление глаголов, обозначающих погодные явления, в составе парных глаголов

Парные глаголы в тюркских языках образуют интересный пласт на стыке морфологии, синтаксиса и лексической семантики. Образование таких единиц можно рассматривать в качестве одного из способов борьбы с дискретностью языковых единиц при кодировании континуума внешнего мира. Существительные, называющие смежные природные явления, часто объединяются в парные слова, типа *кар-яңгыр* ('снег' + 'дождь'), *жңил-давыл* ('ветер' + 'буря') (см. об этом [Galieva, Suleymanov]).

Употребление в составе парных глаголов наиболее характерно для форм конверба:

- *яшенлән-күкрән* ('сверкая' – о молнии + 'грохоча' – о громе):

Мин чыгып киткәч, күп тә үтмичә, күкне болыт каплап, яшенлән-күкрән, чиләкләп, яңгыр коя башлаган (А.Баян) [ТТ]. – *Некоторое время спустя после моего ухода небо покрылось облаками и начался сильный ливень с грозой;*

- *жңиллән-буранлап* ('дуя' – о ветре + 'метя' – о метели):

Казанда ап-аяз көн озатып калган булса, без килеп төшкәндә бу авылда жңиллән-буранлап кар ява иде (газета "Безнең гәжит") [ПК]. – *Если Казань нас проводила ясной погодой, то, когда мы приехали в деревню, шел снег с ветром и бурей;*

- *жңиллән-давыллап* ('дуя' – о ветре + 'бушуя' – о буре):

Мөгаен, жңиллән-давыллап яңгыр киләдер... (Н. Ахмадиева) [Там же]. – *Вероятно, надвигается дождь с ветром и бурей;*

Чәршәмбе көнне Казанда жңиллән-давыллап көчле яңгыр яуды (Татарстан яшьләре) [Там же]. – *В среду в Казани был сильный дождь с ветром и бурей;*

Мөгаен, жңиллән-давыллап яңгыр киләдер... (Н. Ахмадиев). [Там же]. – *Вероятно, надвигается дождь с ветром и бурей...*

Парные глаголы позволяют объединять слова, обозначающие смежные природные явления, в пределах одной сложной единицы.

То, что парные глаголы находятся на стыке лексической семантики, словообразования и морфосинтаксиса, демонстрируется следующим примером:

Ул үзенә уелмас, жуелмас уй-хисләре белән бәйрәм иткән, уртасында кара болытлар ябырылып гөл бакчасына көтмәгәндә жңил-давыллап боз яудырды (газета "Өмет") [ПК]. – *Пока он праздновал, наслаждаясь своими незабываемыми чувствами, над его цветником сгустились тучи и началась буря с градом.*

Единица *жңил-давыллап* составлена следующим образом: существительное со значением «ветер» + существительное со значением «буря» + аффикс -ла, образующий глаголы от существительных, + аффикс конверба -п.

При этом ни в словарях татарского языка, ни в текстовых коллекциях корпусов нами не обнаружено глагола *жңил-давыллау*, но специальный поисковый запрос в корпусах позволяет получить контексты с парным существительным *жңил-давыл* ('ветер' + 'буря') и его дериват с комитативным значением *жңил-давыллы*.

Поэтому мы считаем, что конверб *жңил-давыллап* может иметь следующие варианты происхождения:

1) от парного конверба *жңиллән-давыллап* с усечением аффиксов первого компонента;

2) от парного существительного *жңил-давыл* с присоединением глаголообразующего и формообразующего аффиксов (*жңил-давыл* + -ла + -п).

В составе парного слова объединяются глаголы, называющие одновременно протекающие в природе процессы: гром и молния, ветер и метель, ветер и буря. Парный глагол является способом их фиксации путем образования нового гиперонима, называющего новый класс явлений, включающих оба компонента в качестве концептов нижнего уровня.

6. Переносные употребления глаголов, обозначающих погодные явления

Глаголы, обозначающие природные явления, связанные с погодой, часто используются при передаче эмоциональных состояний и связанного с этими состояниями поведения человека.

Они могут быть использованы в метафорах различной степени развернутости:

Минем жңанда бит ул кыш буранлы (Р. Миңнуллин) [ТТ]. – *В моей душе зимняя метель.*

Сөешү үпкәләшүсез булмый – алар арасында да гледән-әле салкын жңил исеп куйгалый, буранлаган чаклар да була. (М. Маликова) [Там же]. – *Любовь не бывает без обид – между ними время от времени дуют холодные ветры, бывают и метели.*

Глаголы в составе развернутых метафор могут сохранять типичные для прямых значений элементы контекста, например, субъекты. Единичный глагол, использованный в метафорическом значении, обычно используется с нетривиальным субъектом:

Актарылып-актарылып минем жңаным буранлы (И. Иксанова) [ПК]. – *В душе моей сильная метель.*

Наиболее часто в переносном значении используется глагол *давыллау*, обозначая необузданное проявление чувства, крайне возбужденное душевное состояние и буйство поведения:

Тик буген беренче мартәбә Күңелем давыллап айкалды (Р. Валиев) [ТТ]. – *Но сегодня впервые моя душа бушевала и металась;*

Өчезбез дә ут кеше – давыллап кына торабыз (Л. Закирова) [Там же]. – *Мы все трое горячие — то и дело бушуем.*

В переносном употреблении глаголов *буранлау* и *давыллау* можно выделить два основных момента: 1) специфическое эмоционально-взрывное поведение субъекта (включая речевое поведение), наблюдаемое другими людьми; 2) соответствующее эмоциональное состояние субъекта; при этом идентификация его эмоционального состояния осуществляется через внешние признаки.

Глагол *давыллау* в переносном значении наиболее часто используется в форме конверба при характеристике других действий человека:

Шулчак аңа Ямькилә Октябренның ни өчен давыллап чыгып китүен, шоферына ни өчен ябырылуын сөйләп алды (Ф. Батгал) [ТТ]. – *Тогда Ямкиля рассказала, почему Октябрьев ушел, неистовствуя, почему набросился на шофера;*

Аның игътибарына җавап бирмәгәч, давыллап, Казанга кайтып китәргә җыенган (Г. Джалилова) [ПК]. – *Не дождавшись внимания к себе, неистовствуя, уехала в Казань.*

Еще один частотный тип переносного употребления глагола *давыллау* – при описании исторических событий и характеристике эпох:

Шулай итеп булчак шагыйрь Хәсән Туфан <...> 1905 ел революциясе давыллап узганга кадәр Гөлзизин дигән фамилияне йөртергә мәҗбүр улла (Г. Кашапов). [Там же]. – *Так будущий поэт Хасан Туфан до революционной бури 1905 года был вынужден носить фамилию Гүльзизин;*

Шулай да «дулкынланган яшьлек дөнъясы», «җшилләп һәм давыллап» торган көннәр белән кушылып, бербөтен картина тәшкил итә һәм искиткеч тәэсирле рәвештә күзалдына килеп баса (Г. Сулейманова) [ТТ]. – *Все же «годы бурной молодости», наслаиваясь на «ветер и бурю» эпохи, образуют целостную и впечатляющую картину.*

Глагол *болытлау* передает не особенности поведения, а собственно эмоциональное состояние и настроение (грустный, хмурый):

Ник болытлап тора күңел күгең? (Г. Гильманов) [ПК]. – *Почему небо твоей души заволочено тучами?*

Формирование метафорических значений у глаголов, называющих природные процессы, осуществляется в рамках универсальной когнитивной парадигмы – физический признак предмета переносится на человека, способствуя выделению и обозначению психо-эмоциональных и поведенческих характеристик личности, явления окружающего мира переосмыслиются как аналогии эмоций и поведения.

7. Заключение

Татарские глаголы, обозначающие явления, связанные с состоянием погоды, представляют собой компактную группу, характеризующуюся общими словообразовательными и грамматическими характеристиками, синтагматикой, особенностями формирования парных слов и переносных значений. В частности, для них в целом характерно отсутствие форм косвенных залогов и, соответственно, отсутствие мены диатезы. Это объясняется как семантикой глагола, так и знаниями о внешнем мире. Глаголы исследуемой группы могут использоваться как с субъектом-подлежащим, так и безлично. Почти все они могут сочетаться с существительным *көн* ('день'), который в татарском языке может обозначать погоду и принимать на себя семантическую роль эффектора. Глаголы анализируемой группы имеют сходства в структуре многозначности и могут использоваться в метафорических значениях, называя особенности эмоционального состояния и обусловленного этим состоянием поведения человека. Переносные значения также допускают залоговые трансформации.

Материалы данного исследования и его результаты могут оказаться полезны при разработке методики комплексной семантической классификации татарских глаголов с учетом набора грамматических и сочетаемостных признаков, в частности, актантной деривации и частных значений залогов, форм управления и семантических ролей актантов, а также ряда морфологических параметров.

Список литературы

- Галиева А. М. Глагольная лексика в лексикографических базах данных: обзор основных ресурсов // Электронные библиотеки. 2016. Т. 19. № 2. С. 80 – 97.
- Мельчук И. А., Холодович А. А. К теории грамматического залога. // Народы Азии и Африки, № 4, 1970. С. 111–124.
- Падучева Е.В. Метонимия как сдвиг фокуса внимания // Исследования по лингвистике и семиотике. Сборник статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 234–250.

Paducheva E. V. Диатеза ментального глагола: прямая и параметрическая. От значения к форме, от формы к значению // Сборник статей в честь 80-летия члена корреспондента РАН А. В. Бондарко. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 462–467.

Письменный корпус татарского языка. URL: <http://corpus.tatfolk.ru/> (дата обращения: 31.08.17).

Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.

Татарская грамматика: В 3 т. Т. 2. Морфология / Редкол.: М. З. Закиев и др. Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. 397 с.

Татарский национальный корпус «Туган тел». URL: <http://tugantel.tatar/> (дата обращения: 31.08.17).

Уфимцева А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986. 239 с.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / баш ред. проф. Ф. Ә. Ганиев. Казан: Матбугат йорты, 2005. 848 б.

Жамалетдинов Р. Р. Татар һәм рус телләренең чагыштырма грамматикасы. Казан: Казан ун-ты нәшр., 2004. 144 б.

Galieva A., Suleymanov D. Tatar Co-compounds as a Special Type of Classifiers // Proceedings of the XVII EURALEX International Congress: Lexicography and Linguistic Diversity. 6–10 September, 2016. Tbilisi, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, 2016. Pp. 678–684.

References

Galieva, A. M. (2016). *Glagol'naia leksika v leksikograficheskikh bazakh dannykh: obzor osnovnykh resursov* [Verbal Vocabulary in Lexicographical Data Bases: Reviewing Main Resources]. *Elektronnye biblioteki*. V. 19, No. 2, pp. 80–97. (In Russian)

Galieva, A., Suleymanov, D. (2016). *Tatar Co-compounds as a Special Type of Classifiers*. Proceedings of the XVII EURALEX International Congress: Lexicography and Linguistic Diversity. 6–10 September, Tbilisi, Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, pp. 678–684. (In English)

Mel'chuk, I. A., Kholodovich, A. A. (1970). *K teorii grammaticheskogo zaloga* [On the Theory of Grammatical Voice]. *Narody Azii i Afriki*, No. 4, pp. 111–124. (In Russian)

Paducheva, E. V. (2010). *Metonimiia kak sdvig fokusa vnimaniia* [Metonymy as an Attention Focus Shift]. *Issledovaniia po lingvistike i semiotike*. Sbornik statei k iubileiu Viach. Vs. Ivanova. Pp. 234–250. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)

Paducheva, E. V. (2012). *Diateza mental'nogo glagola: priamaia i parametricheskaia Ot znachenii k forme, ot formy k znacheniiu* [Diathesis of the Mental Verb: Direct and Parametric Ones. From the Meaning to the Form and Vice Versa]. *Sbornik statei v chest' 80-letii chlena korrespondenta RAN A.V. Bondarko*. Pp. 462–467. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)

Pis'mennyi korpus tatarskogo yazyka [Corpus of Written Tatar]. URL: <http://corpus.tatfolk.ru/> (accessed: 31.08.17). (In Tatar)

Plungian, V. A. (2011). *Vvedenie v grammaticheskuiu semantiku: Grammaticheskie znachenii i grammaticheskie sistemy iazykov mira* [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of Languages]. 672 p. Moscow, RGGU. (In Russian)

Tatar teleneñ aңlatmalı süzlege (2005) [Tatar Lexicon]. (Ed. F. Ganiev). 848 p. Kazan, Matbugat iorty. (In Tatar)

Tatarskaia grammatika (1993). [Tatar Grammar]. V. 2. Morfologiia (Ed. M. Zakiev). 397 p. Kazan, Tatar. kn. Izd-vo. (In Russian)

“Tugan tel” *Tatar National Corpus*. URL: <http://tugantel.tatar/>. (accessed: 31.08.17). (In Tatar)

Ufimtseva, A. A. (1986). *Leksicheskoe znachenie: printsip semiologicheskogo opisaniia leksiki* [Lexical Meaning. Principle of Semiological Description of Lexis]. 239 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Zamaletdinov, R. R. (2004). *Tatar häm rus tellärenen chagıştırma grammatikası* [The Comparative Grammar of the Tatar and Russian Languages]. 144 p. Kazan, Kazan University Publishing House. (In Tatar)

The article was submitted on 13.09.2017

Поступила в редакцию 13.09.2017

Галиева Альфия Макаримовна,
кандидат философских наук,
НИИ «Прикладная семиотика» АН РТ,
420111, Россия, Казань,
Лево-Булачная, 36а.
amgalieva@gmail.com

Замалетдинов Радиф Рифкатович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
director.ifmk@gmail.com

Galieva Alfiya Makarimovna,
Ph.D. in Philosophy,
Research Institute of Applied Semiotics of AS RT,
36a Levo-Bulachnaya Str.,
Kazan, 420111, Russian Federation.
amgalieva@gmail.com

Zamaletdinov Radif Rifkatovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
director.ifmk@gmail.com